

ОПЕРАТИВНИК СИИ

КНИГА 3

Рафаэль Дамиров

18+

Оперативник с ИИ

Рафаэль Дамиров

Оперативник с ИИ. Том 3

«Автор»

2026

Дамиров Р.

Оперативник с ИИ. Том 3 / Р. Дамиров — «Автор»,
2026 — (Оперативник с ИИ)

Капитану полиции Егору Фомину не везет. Его карьера в уголовном розыске буксует, начальство ругает, а девушки обходят стороной. Но все меняется после случайного инцидента. Экспериментальный искусственный интеллект вселяется в мозг Егора. Теперь в его голове живёт цифровая девушка Иби — умная, ехидная и чертовски полезная. И вместе они раскроют больше, чем весь отдел. Вот только начальник и кадровик, во что бы то ни стало хотят избавиться от Фомина.

© Дамиров Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Гл	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Рафаэль Дамиров

Оперативник с ИИ. Том 3

Глава 1

Самолёт неумолимо снижался.

Я сидел в кресле второго пилота, пристёгнутый, и даже не пытался тянуться к системе управления.

Передо мной была бесконечная и непонятная панель: десятки переключателей, тумблеров, экранов, шкал. Как может быть в таком маленьком самолёте столько индикаторов?

Я понимал одно: если сейчас полезу – только наврежу. И полностью положился на Иби.

– Смотри! – воскликнул я, вглядываясь вперёд через лобовое стекло. – Там опушка леса. Можно попробовать сесть туда.

– Не успеем, – ответила Иби. – Скорость снижения слишком велика. Мы пролетим её.

– Тогда разворачивай.

– Я не могу. Рулевые тяги не отвечают. Управление по курсу ограничено. Что-то блокирует управление.

Мы падали.

Нет, формально мы снижались, но слишком резко, и прямо на сплошной древостой.

– Там молодняк! – крикнул я. – Видишь? Проплешина, там почему-то выгорело – и прет поросль. Попробуй туда. Там деревья мельче. Если зацепимся за них, наверное, они не пропоят самолёту брюхо, и мы не разобьёмся.

Иби скорректировала угол снижения, насколько ей давала повреждённая система.

Самолёт направился к выгоревшей полосе. Старые пни там стояли чёрные, как мазут, обугленные, а между ними тянулась молодая поросль, тонкая и гибкая.

– Держись! – крикнула Иби, а самолет уже цеплял макушки.

Ветки хлестнули по крылу. Потом по носу. Раздался треск. Самолёт, несмотря на то, что Иби выпустила шасси, подпрыгивал и мотылялся из стороны в сторону, словно по нему били кувалдами.

На мгновение показалось, что нас снова подбросит в воздух, но уже без крыла и без хвоста.

К счастью, джет был небольшим и достаточно прочным. Он срезал молодняк крылом, как косой траву. Стволики березняка ломались, крупными щепками летели в стороны.

Нас протащило еще сколько-то, развернуло, снова протащило, а потом за бортом что-то хлопнуло, это был всплеск, будто мы сели на воду.

Как? Почему? Кругом лес.

Самолёт ещё несколько раз дёрнулся и вдруг резко замер. Всё?

Наконец, мы остановились. Прошла секунда, другая, я даже ощупал себя наскоро, не веря, что цел и невредим.

– Телесных повреждений нет, – подтвердила Иби.

Я действительно чувствовал себя нормально, даже ощутил какой-то прилив сил. За бортом больше ничего не трещало и не стучало, тишина, только птички поют.

Я выдохнул.

– Фух, неужели сели! Ты молодец. Надо Ингу проверить.

Но рано обрадовался. Едва я отстегнулся и встал, как Иби закричала:

– Уходим, Егор! Скорее!

– Ты что кричишь?

Я просто не мог поверить, что хоть что-то ещё могло пойти не так.

– Мы сели на болото! У нас мало времени!

И в этот момент я почувствовал, как корпус медленно, почти незаметно начинает опускаться. Пол под ногами дрогнул, будто мы на корабле. На тонущем корабле.

Самолёт проваливался.

– Твою мать... – прошептал я. – Это трясина.

Фюзеляж уходил вниз. Я глянул через стекло: под нами хлюпала и пузырилась чёрная жижа.

– На выход!

Я рванул к Инге. Освободил её от ремня, подхватил на руки.

– Мы не успеем вызвать помощь? – спросил я на ходу. – Подключись к радиостанции, передай сигнал бедствия.

– Система связи повреждена. Нужен перезапуск и ручная инициализация. Времени нет, – ответила Иби.

Пол под ногами уже накренился.

Болото, давно, видно, не получавшее новых жертв, теперь жадно втягивало самолёт внутрь.

– Дверь заблокирована. Открой дверь, – крикнул я Иби. – Скорее, открой!

– Я не могу! – ответила она. – Электроника не отвечает. Питание частично пропало. Система управления не слушается. Черт бы ее побрал! Гадский самолётишко!

Иби редко ругалась, но сейчас из неё вырвался целый поток крепких словечек. И это звучало неожиданно живо.

Сердито усмехнувшись, я наскоро пристроил Ингу обратно в кресло. Попытался схватить столик, чтобы разбить иллюминатор. Но тот оказался намертво прикручен к полу.

Чёрт. А на что я рассчитывал? Конечно, в самолете он закреплён.

Самолёт продолжал уходить вниз. Зелёная жижа поднялась почти до уровня иллюминаторов.

– Твою мать!

Я ударил ногой по стеклу. Так, что сам едва не сломал ступню.

Стекло даже не треснуло.

– Здесь должен быть аварийный выход! Должен! – заорал я. – Иби, где он?

– В маленьких бизнес-джетах отдельного аварийного выхода может не быть, – отрешённо ответила она.

Самолёт снова качнулся. Фюзеляж медленно, но неумолимо погружался в болото.

– Нужен инструмент! – выкрикнул я. – Лом, кувалда, хоть что-нибудь!

– В самолётах вместимостью более девятнадцати пассажиров в комплектацию входит аварийный топор, – снова выдала кусок почти не обработанной информации Иби. – Но этот гораздо меньше...

– Ну а вдруг есть! А? Где искать?

– Проверь ящик под дальним сиденьем, – вдруг посоветовала она после секундного раздумья.

Я метнулся к ряду кресел. Под одним из них действительно оказался выдвижной ящик.

Я дёрнул его на себя.

Внутри лежали сигнальная шашка и маленький аварийный топор, выкрашенный в ярко-красный цвет.

Есть!

– Спасибо создателю этого самолёта... – выдохнул я. – Он меня услышал!

Я схватил топор.

Удар.

Лезвие соскользнуло с плоского ударопрочного стекла.
Второй удар. Третий. Стекло не поддавалось, а вот руки страшно гудели. Сука!
Тогда я развернул топор и ударил обухом.
Есть. Пошла трещина. Ещё раз... Ещё... Стекло покрылось сеткой.
Ну же! Я приложил окно обухом изо всех сил. Иллюминатор сдался. Фрагменты вывалились наружу, в мутную зеленую жижу.
Внутри хлынул влажный болотный воздух.
– Быстро! – крикнул я.
И снова подхватил Ингу.
– Мы не успеем! – сказала Иби. – Самолёт погружается быстрее!
– Успеем!
Жижа уже добралась до уровня пола.
Самолёт накренился ещё сильнее. Он продолжал уходить вниз, медленно, но неумолимо. Пол уже был под углом, жижа вот-вот готова была политься внутрь через разбитый иллюминатор. Я подхватил Ингу на руки и попытался протиснуть её в узкое отверстие.
Окно оказалось слишком маленькое.
Я толкал её вперёд, упирался плечом, чувствовал, как металл режет ладони.
– Давай, давай...
И тут в проёме показались чьи-то руки.
Сухие, жилистые, с тёмной, обветренной, как кора дерева, кожей.
– Шибче, шибче толкай, – прохрипел пожилой голос снаружи. – Поторопись, сынок, утянет ить тебя трясина.
Бородатый старик, крепкий, как пень столетней лиственницы, стоял на нашем крыле и заглядывал внутрь салона.
Я подал ему Ингу. Он подхватил её, вытянул наружу.
Несмотря на седую бороду, возраст и невысокий рост, силы в нём оказалось достаточно. Да и Инга за то время, что лежала без всякого движения, сильно похудела. Лёгкая стала.
– Есть! – услышал я.
Теперь моя очередь. Я рванулся к иллюминатору. Просунул голову, но плечи застряли.
Ах ты! Почему-то мне казалось, что пролезу. На адреналине картинка искажается – тело кажется меньше, сильнее, быстрее.
Попробовал еще. Но нет. Черта с два! Бесполезно. Плечи не проходили.
– Иби! Нужно разбить лобовое стекло! – выкрикнул я.
– Нет, Егор. Оно рассчитано на столкновение с птицами на высокой скорости. Даже удар автомобиля выдержит. Это бесполезно.
Самолёт снова качнуло. Жижа поднялась выше и полезла через край проема, закапала в салон.
Я рванул к двери. Бух-бух – долбил по ней топором.
– Я пытаюсь открыть! – нервно говорила Иби. – Пытаюсь подключиться к системе, но не получается. Электроника повреждена.
Её голос звучал испуганно. Она старалась меня подбодрить, но каждое слово только подчёркивало – всё плохо, и ничего с этим не поделать.
Я же не останавливался.
Ударил по креплениям двери. По шарнирам.
Топором рубанул по какому-то жгуту проводов. Искры брызнули в лицо, запахло палёной изоляцией. Что-то зашипело – возможно, гидравлика, я не знал точно.
Дверь дёрнулась. Пошла.
– Есть! – выкрикнул я.
– Толкай! – донёсся голос снаружи. – Толкай, тебе говорю!

Руки деда вцепились в край двери. Он стоял уже по пояс в болоте, но держался, как вкопанный. Как ему это вообще удавалось и надолго ли, я предпочитал пока не думать.

Дверь опускалась вниз, превращаясь в импровизированный трап.

Я толкал изнутри. Старик тянул снаружи.

Самолёт под нами продолжал медленно погружаться в трясины.

Дед, как оказалось, был не один, рядом крутился ещё какой-то пацан лет двенадцати. В болото он не лез – боялся. Стоял на краю, прыгал с кочки на кочку, знал, где земля под ногами твёрже.

Я протиснулся через образовавшийся проём двери и плюхнулся в болотную жижу. Ушёл почти по грудь. Старик же стоял по пояс и не проваливался. Как он держал равновесие, я не понял. Видимо, ступал только по каким-то ведомым ему местам, подводным кочкам, которые обычному человеку не видны.

Он схватил меня за ворот и резко дёрнул.

– Куда ж ты, малахольный, в самую трясины-то прыгаешь? Вон, к берегу давай, к берегу!

Я закашлялся, хлебнул мерзкой болотной воды, тут же, отплёвываясь, спотыкаясь, выбрался на более твёрдую землю. Упал на твердь, в травку, отдышался.

Позади самолёт, пуская пузыри, медленно уходил в болото. Одно крыло уже утонуло. Корпус чуть повернулся, вот и второе крыло поднялось вверх, будто вытянутая рука, словно он просил помощи.

– Спасибо, – выдохнул я.

– Да на здоровье, – буркнул дед.

Я, наконец, разглядел наших спасителей внимательнее.

Дед – в самотканной льняной косоворотке, подпоясанной верёвкой, в безразмерных льняных штанах. Пацан – в длинной рубахе почти до пят, подпоясанной ремешком. Картина была такая, будто я шагнул эдак примерно в позапрошлый век.

И на минуту в голове зажглось: а что если это правда так?

– Скажи, отец... А год-то сейчас какой? – спросил я, подозревая неладное.

– Известно какой, – усмехнулся старик. – Какой вчерась был, такой и нонче.

Ответ, конечно, исчерпывающий.

Я решил зайти с другой стороны.

– А кто в России самый главный, отец?

– Бог самый главный. И не токмо в России-матушке, а во всём мирУ, – перекрестился дед.

Перекрестился ещё так странно. Не тремя пальцами, а двумя перстами.

– Это староверы, – сказала Иби.

– Какие ещё староверы? – мысленно спросил я.

Иби коротко объяснила мне про потомков отшельников – ещё тех, что не приняли реформу Никона. Тогда их преследовали, ну а теперь – теперь они жили по укладу своих предков, стараясь с современным государством не связываться и надеясь, что и оно за это оставит их в покое.

– А, вот оно что... – пробормотал я.

И всё-таки продолжал ещё озираться, ища подтверждение, что почти уже канувший в пучину самолет – не единственная примета современности. Тут я заметил на запястье старика часы. Электронные. Из девяностых, конечно, а вовсе не смарт, но всё же вполне современные.

Я усмехнулся.

– Ну ладно, значит, не в прошлое попал, уже отлегло.

– Звать-то как тебя, паренёк? – спросил дед, прищурившись.

– Егор.

– А-а, Егорка, стало быть. А я дед Ефим. Это мой внучок, Прошка.

Ефим, Прохор. Ну точно староверы.

– Авария нехорошая приключилась... Откель вы?

– Оттуда, – ткнул я пальцем в небо.

– Никто живота не сберег больше?

– Чего? – не понял я.

– Я говорю, остальные где? Боженьке душу отдали?

– А... да-да. Только мы вот выжили. Вдвоем.

– А девица-то что? – кивнул Ефим на Ингу. – Чувств лишилась? Небось лишку чувствительная она у вас, пужливая.

– В коме она, – сказал я.

– У-у-у... – протянул старик. – Эх её пробрало. Нечистая, нечистая её коснулась.

Я едва сдержался, но всё-таки не стал прямо сейчас ничего объяснять.

– Ладно, – продолжил он. – Знахарка у нас есть в деревне. Полечит. Приговором, заговором, травкой нужной окурит. Авось на ноги и подымет.

– Да бросьте, – усмехнулся я. – Тут врачи с самым современным оборудованием не смогли её в чувство привести. А ты говоришь, травница поможет.

Странные они люди, это точно, но зато вон как в себе уверены. Без датчиков, одними словами к живым вернуть думают...

– А ты не зубоскаль, Егорка, – с прищуром ответил Ефим. – Такой знахарки, как у нас, ты знай, на тысячи вёрст не сыщешь. Одна на десять мультёнов душ.

– Ну, пусть попробует, – сказал я. – Нам бы только побыстрее до вашего поселения добраться. Мы мокрые, уставшие, голодные.

– Вы мокрые? – старик внимательно посмотрел на меня.

Инга-то осталась вполне сухой, даже грязь не затронула её. Я спохватился. По привычке заговорил во множественном числе, имея в виду себя и Иби.

– Короче, день тяжёлый был, отец. Заговариваюсь.

Я попытался подняться, чтобы взять Ингу. Колени вдруг подкосились. Мир слегка качнулся.

То самое ощущение, которое я испытал в самолёте после драки с Разумовским, вернулось. Пустота в мышцах, слабость.

– Иби, что происходит?

– Сканирую параметры организма, – быстро ответила она. – Давление снижено, пульс нестабилен.

– Да я же...

– У тебя истощение, Егор.

– Какое истощение? Я вполне здоров, мы не сидели в лесу неделю. Как так быстро?

– Во время поединка с Разумовским я мобилизовала твои физические возможности сверх нормы. Сейчас идёт откат. Это естественная реакция организма после предельной нагрузки.

Вон оно что. Я присел на корточки и прикрыл глаза ладонью.

– И что теперь?

– Ты жив. И восстановишься. Только нужно время.

– Сколько?

– Не могу точно сказать. Несколько часов. Возможно, до утра. В крайнем случае, день-два.

Я посмотрел на Ингу.

– Я не смогу сейчас нести её?

– Нет. Тебе не хватит сил.

– Блин, – мысленно усмехнулся я, – а я-то уже почувствовал себя супергероем. Убил Разумовского, уничтожил Селену. Сделай что-нибудь, напарница.

– Я не волшебница, – грустно сказала Иби. – Я научное создание. Эликсир Астерикса нам недоступен.

– О, какие познания. Жаль, – пробормотал я. – И что теперь? Старик её один точно не утащит.

– Ты с кем там гутаришь? – прищурился дед.

Я говорил мысленно, но, видимо, на лице всё отражалось. Возможно, губы шевелились.

– Да так, про себя рассуждаю, – сказал я. – Вымотался, не донесу я Ингу.

– Так мы иначе, мы вместе пойдём в поселение за подмогой, она здесь подождет, – спокойно предложил старик. – Куды тебе нести? Ты еле на ногах стоишь.

– Нет. Я её не оставлю в лесу одну.

– Да и не одну, – старик посмотрел на меня, как на слабоумного. – Прощка ж с ней посидит.

– Один несовершеннолетний будет в лесу охранять девушку без сознания?

– Да он этот лес вдоль и поперёк знает, – отмахнулся дед.

– А если медведь?

– Потапыч сейчас сытый. На ягодах и грибах жирок нагуливает. Год урожайный нынче в лесу.

Я посмотрел на него.

– Слушай, у тебя телефон есть? Позвонить?

Старик скривился.

– Телефоны, телевизоры – всё это бесовство.

– Ясно. А у кого-нибудь в поселении?

Он нахмурил брови.

– Я ж говорю – бесовство, – повторил он, глядя в землю.

Даже ногой притопнул.

– Подожди... У вас что, с внешним миром связи нет?

– Ну...

– Зашибись, – пробормотал я. – И как мне до города добраться?

– Так никак. Живи у нас, – невозмутимо ответил дед.

Я так опешил, что даже на ноги вскочил, будто намеревался бежать прямо сейчас. Правда, от этого меня здорово повело.

– Эй, погоди, дед. Я на это не подписывался.

Он вдруг усмехнулся и хлопнул меня по плечу.

– Да шучу я. Доставим тебя в город – в лучшем виде, чем сейчас. А ежели не хочешь идти... я с Прощкой схожу за подмогой, а ты здесь останешься.

– Нет, – возразил я. – Внук твой пусть со мной останется. Чтобы ты точно вернулся.

Старик поднял кустистую бровь.

– Не доверяешь деду Ефиму? – повторил он, внимательно глядя мне в глаза.

Я выдержал взгляд.

– Время такое.

Он хмыкнул.

– Ладно. Прощка с тобой останется. Но если что – смотри, не обижай. Он хоть и пацан, а за себя постоять умеет.

В этот момент у меня снова закружилась голова. Всё поплыло. В глазах потемнело, будто кто-то медленно прикрыл шторы.

– Егор, присядь, – настойчиво сказала Иби. – Срочно сядь.

– Ох... что так хреново-то...

Я пошатнулся и опустился на корточки.

– У тебя выраженное обезвоживание. И падение давления. Тебе нужно срочно попить воды.

Я поднял взгляд на деда.

– Вода-то есть питьевая?

Старик развёл руками.

– Так в деревне только. Мы тут недалече ходили, с собой воду не берём. В ручье пьём.

– Так покажи, где ручей. Пить хочу, – прохрипел я.

– До ручья дальше, чем до деревни. Пошли в деревню. Вижу, плохеет тебе, сынок. А

Прошка с девахой твоей побудет.

– Чёрт с тобой... пошли.

Я ткнул пальцем в сторону Инги.

– Смотри. Отвечаешь мне головой за неё.

Старик хмыкнул.

– Ой, напужал. Не в тех ты условиях, чтоб мне условия ставить.

– Я просто предупредил, отец. Ну, чтобы если что, не серчал.

– Да ты не бзди, Егорка, – добавил он уже мягче. – Нормально всё с твоей бабёнкой будет.

«Не моя бабенка», – хотел сказать я, но промолчал. Пусть думают, что моя. Пусть пони-
мают, что я за неё глотку перегрызу.

Хотя, по сути, они нам помогли, Ингу спасли. Не должно быть подвоха. Но я не мог
смотреть на них спокойно – уж больно вовремя они тут появились, да и на болоте с нами двумя
сдюжили. Как так?..

– Ладно. Веди в поселение. А Прошка пусть здесь подежурит. Дай ему нож или что-
нибудь.

– Ножик? – усмехнулся дед. – Ружо ему дам.

– У тебя ружьё есть?

– А то.

Он шагнул к кустам и достал оттуда двустволку. Видимо, пока вытаскивал нас из болота,
просто отбросил её в сторону.

Старая, затёртая до желтого блеска двустволка. Лак на цевье и ложе облез, местами, где
хват частый был, дерево потемнело от времени и рук. Тыльник приклада подбит войлоком
вместо штатной пластмассовой детали.

– Ну тогда я спокоен, – пробормотал я.

– Не бойсь, дядька! – воскликнул Прошка, схватив ружьё с неожиданной ловкостью. –
Кроме наших тут никого нет на сто вёрст. А зверь нынче спокойный. Олени жирные, волки
сытые, медведи тоже. На ягодку перешли, они сейчас как коровки пасутся.

Я посмотрел на своих новых знакомых.

– Мы вообще в какой области? Или крае? Какой город поблизости?

– Много тут городов разных, – туманно ответил старик. – Но далече все они. Ох, как
далече.

– А самый-то большой какой? – всё же попытался уточнить я.

Мы дошли до поселения. И правда недалеко, если смотреть по карте. Но с моим состоя-
нием, с этим самым «откатом», как назвала его Иби, пару километров показались вечностью.
Шли часа полтора, не меньше. Ноги наливались свинцом, голова периодически плыла, прихо-
дилось останавливаться, чтобы не рухнуть лицом в мох.

Но лес, наконец, расступился, и передо мной открылось небольшое поселение на огром-
ной поляне.

Бревенчатые избы из потемневшего от времени кругляка. Срубы сложены плотно, явно без единого гвоздя. Дощатые крыши, кое-где перекрытые свежими досками, но общий вид – будто из учебника по истории. Дерево почернело от дождей, ветров и веков.

И при этом наблюдалось странное соседство с современностью.

У некоторых домов стояли мотоциклы с коляской. «Уралы». Старые, но не хламье, а относительно ухоженные. Конечно, здесь они к месту, везде пролезут, если только в болото не заезжать. Среди мотоциклов «Уралы» – как танки среди байков.

А вот машин не было. Да и дорог, собственно, тоже. Только просеки да укатанные тропы. Здесь автомобиль просто не пройдет, а мотоцикл протиснется. Еще были телеги. Значит, и лошади где-то имеются.

Я сам себе усмехнулся, понимая, что даже почти в отключке весь «автопарк» деревни сразу на заметку взял, чтобы спланировать потом свой отъезд.

– Ладно, если что, и на мотоцикле до города можно, – выдохнул я.

– Егор, – сказала Иби, – я не фиксирую в радиусе ни одного крупного населенного пункта. Я пыталась подключиться к любой доступной сети. Ни мобильной связи, ни спутниковых каналов, ни Wi-Fi. Абсолютно пусто. И я не чувствую ни одного цифрового сигнала на десятки, а возможно, и сотни километров.

– Ну конечно, не видишь, – хмыкнул я. – Мы же в лесу.

– Нет, – возразила она, – это не просто лес. Это... глушь. Связи нет вообще.

Я огляделся.

– Ну, живы будем – не помрем, – пробормотал я. – Напоят, накормят, на ночлег определят.

Блин... что-то то я сам стал разговаривать, как дед.

Я заметил, что на нас уже косятся. Девуцы румяные, плотные, с широкими бедрами, крепкие, как молодые берёзки в расшитых рубахах, поверх сарафаны. Кто-то с косами, кто-то в платке. На груди непременно бисер, еще броши разглядел, да и застежки какие-то диковинные.

Я улыбнулся им.

– Смотри, какие, – сказал я мысленно, чтобы чуть поддеть Иби. – Кровь с молоком.

– А у нас тут, – сказал дед Ефим, – праздник намечается. Чего косишься на наших невестушек? На выданье они.

Он прищурился, заметив, как я невольно оглядываю девушек.

– Завтра сватовство будет. Но не про твою честь, Егорка. У тебя, вон, баба есть, на неё и гляди. Правда, тоща и без чувств. У нас бы такую не сосватали, худа больно. Вон, гляди, какая баба должна быть.

При этом Ефим сам кивнул на деревенских.

Я усмехнулся.

– А что, у вас стройных, ну, то есть, худых не бывает девушек?

– Слава Богу, почти нет, – фыркнул дед. – А если и случается, то на сватовстве им юбок побольше надевают, для объёму, так сказать.

Он махнул рукой.

– Пошли, определю тебя на постой. А сам возьму мужиков, сходим за твоей зазновой.

Мы вошли в дом. Сначала в сени – полутёмное помещение с запахом дерева и сухих трав.

И тут я увидел гроб.

Не фабричный, не лакированный. Выдолбленный из цельного ствола, будто лодка. Грубый и тяжёлый. Но, несомненно, это был именно гроб – длинный и с крышкой.

– Хм... Кто-то умер? – спросил я.

– Типун тебе на язык, Егор, – перекрестился дед двумя перстами. – Мой это гроб. Сам себе тесал. Хороню, до поры.

– Болеешь чем-то?

– Из всех хворей – только нос чешется, когда медовухи хочется.

Я покосился на гроб.

– А зачем заранее делать?

– Так принято. Кто в семье главный, тот первым себе гроб делает. Чтоб всё по уму было, чтоб детям забот не чинить.

Я спорить не стал. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Поймал себя на мысли, что сам уже мыслю их оборотами.

Изба внутри была как музей.

Русская печь, полати под потолком, дощатый стол, лавки вдоль стен, сундуки. Ни телевизора, ни розеток, ни привычного бытового шума. Глазу не на чем было задержаться, взгляд скользил вольготно и охватывал как бы всё и разом.

Убранство нехитрое, но чистенько, ничего лишнего и всё на своих местах.

Я вдруг ощутил, как контраст между этим миром и тем, из которого я только что вырвался, режет глаза.

Там – самолёты, цифровые сущности, спецслужбы.

Здесь – гроб в сенях и сватовство по расписанию.

Видно было, что люди тут не играют в прошлое, не нарядились на денек-другой, а действительно живут так. При этом современные детали всё же проскальзывали. В углу на станине стояла швейная машинка. Правда, механическая, с ножным приводом. Иголочки с нитками в силиконовом контейнере. В другом углу синее пластиковое ведро.

Какое странное сочетание эпох.

– Агриппина! – позвал тем временем дед.

Навстречу нам выскочила бабушка. Невелика ростом, согнутая в три погибели, но двигалась юрко, словно стрекоза. Туда-сюда по избе, туда-сюда.

Я посмотрел на бабулю внимательнее.

– Странно, – пробормотал я. – Почему она не разгибается? Такое ощущение, что искривление позвоночника. Но при этом такая подвижная.

– Это привычка, – сказала Иби.

– В смысле?

– Посмотри на двери. Какие низкие проёмы. И в комнаты, и в сени, и на улицу. Они с детства пригибаются, чтобы пройти. Со временем тело запоминает это положение. Потом уже не распрямляются полностью.

Я огляделся.

И правда. Проёмы низкие, потолки тоже. Чтобы выйти, нужно наклониться.

Я хмыкнул.

Никогда не задумывался. А ведь действительно – в старых деревнях пожилые часто ходят вот так, слегка согнувшись.

– А для чего такие низкие двери делать? – спросил я вслух.

– Тепло берегут, – ответил дед. – Меньше улицу топить, больше в дом.

– Ой, что ж ты такой замученный-то, – всплеснула руками Агриппина. – Белый, как гриб лесовик.

– Можно мне воды сначала? – попросил я.

– Воды? – крикнул Ефим. – Налей-ка ему, мать, медовухи лучше.

– И воды тоже, – добавил я.

Мне поставили крынку воды и кружку медовухи.

Я выпил воду залпом, потом всё-таки глотнул медовуху. Сладковатую, тёплую, с пузырьками.

Сразу стало легче. Щёки порозовели, в голове немного прояснилось.

– Ну, я пошёл за твоей зазновой, – сказал дед Ефим. – А ты тут подкрепишься, чем Бог послал.

А Бог, как оказалось, послал немало.

На столе уже стояла заварная халва, рассыпчатая, пахнувшая мёдом, пироги с черёмухой, каша из какой-то крупы, настолько разваренной и воздушной, что я не понял, что это. Наверное, пшено или ячмень.

Бабуля живо метнулась в соседнюю комнату и через пару минут вернулась, протягивая мне аккуратно сложенную одежду. Это оказались широченная льняная рубаха и штаны.

– На-ка, переоденься, – сказала старуха, добродушно улыбаясь. – А то вон чумазый какой.

Я уже немного пришел в себя и внятно её поблагодарил. Умылся, переоделся в чистое и сел к столу.

– Ешь, ешь, кашу, – кивнула Агриппина. – В печи часов пять томила. Лучшая пища, силушку возвращает, здоровье мужское поддерживает.

Я едва не поперхнулся, но поблагодарил.

Ещё были кровяная колбаса, зелень, огурцы и помидоры с огорода, сало, лук.

– Спасибо, конечно, – сказал я, – но вы столько не накладывайте. Я всё равно всё это не съем.

– Не съешь – так попробуешь, – спокойно ответила бабуля. – А сейчас и сыночки мои с работы придут, пообедают.

Я взял ложку, вдохнул духмяный пар и впервые за сутки почувствовал, что жив.

Глава 2

Ефим и ещё двое крепких мужиков направились к болоту. Шли споро, привычным маршрутом. Один из них, неказистый и угловатый, рыжебородый и с щербатой усмешкой, покосился на деда.

– А девка-то как, смазливая? – спросил он, приглаживая бороду. – Жалко, что не в себе. Эх...

– Да квёлая она, – отмахнулся Ефим. – Откормить бы, так и ничего была бы. Худа больно, лежит без чувств, что мёртвая горлица.

– А мне наоборот, тростинки любви, – усмехнулся щербатый. – Вот тянет меня на художных, не в нашу породу.

Они дошли до края выгоревшей полосы.

– Пришли, кажись, – сказал дед и снял с плеча топор.

Инструмент он прихватил не случайно. Нужно было нарубить веток и связать волокушу. Девка хоть и лёгкая, полуживая, но тащить её два километра на плече – дело хлопотное и неблагодарное.

Ефим огляделся. Зелень на краю болота не шевелилась, тишина. Нету девки. И пацана не видать. В сердце кольнуло.

– А где ж Прошка-то? – озирался старик.

Он повернулся к топи, нахмурился.

– Прохо-ор! Ты где?

Из чащи послышался тихий голос.

– Я здесь...

Мальчишка выбрался из кустов. Лицо бледное, в руках старое ружьё – парнишка вцепился в него, как в спасательный круг.

– Ох, шельмец, напужал! Случилось чего? – нахмурился Ефим. – А где девица? Ты ж её охранять должен был. Почему теперь ховаешься?

– Не девица это, а ведьма, деда, – пролепетал пацан.

– Ты что несёшь? – раздражённо бросил щербатый. – Ведьм нынче нет.

– Клянусь вам. Видел я. Своими глазами узрел.

– Чего видел-то? – нахмурился Ефим, сбрасывая с плеча мешок на лямке и перебирая пальцами рукоять топора.

Прошка сглотнул.

– Лежит она этак на бережку. Не шелохнется. Ну как в гроб кладут, сам же видел. Я, значит, веточкой комаров отгоняю. Если и кусают ее эти гады, то не дёрнется она, и не дышит будто. Чисто покойница. И тут вдруг из болота рябь пошла. Искрится, главное, прямо как электричество. И поднимается эта рябь аккурат из того места, где самолёт утоп.

Мужики переглянулись.

– Что-то синее светится, – продолжил пацан. – Переливы такие, будто молнии, только что без грома. Бесшумные... Я шась в сторону, ружьё наставил. А в кого стрелять? Телесов нет. Никто из болота не вышел, а лишь свечение бесово. Будто свет по воде бежит.

– Брешешь, – тихо сказал один из мужиков.

– Не брешу! Я даже пальнуть хотел, но боязно было, а ну как эти молнии меня приберут?

Прошка вытер губы и заново набрал дыхания, будто даже и рассказывать было несподручно

– И что дальше?

– А! То-то и оно, самое страшное! Р-раз – и вселились эти молнии в неё. В тело её. Она глаза открывает, улыбается. А я понимаю – ведьма. Дух болотный, выходит, ее поднял, оживил.

Парень помолчал, сглотнул.

– Проснулась, выходит, болезная? Что сказала? Ну? – с нетерпением проговорил Ефим.

– Я ей: стой, не двигайся. А ну как пальну, мало не будет! А она мне: не стреляй, мальчик, я очнулась, из сна смертного вышла.

– И что ж, не спрашивала, кто она? Где она? Как здесь оказалась?

Прошка покачал головой.

– Не спрашивала. Будто всё знает наперед, все ведаёт.

В лесу на несколько секунд повисла тишина.

– Газы это болотные... – пробормотал щербатый, но сам оглядывался не на болото, а назад, за спину.

Будто уже примеривался, куда бежать.

– Да будет тебе Прошка, – хохотнул дед. – Ну, очнулась баба и очнулась. Сам знаешь, что у них иной раз в голове творится. Куда она утопала?

– Здесь я, – проговорила Инга и вышла откуда-то сбоку, прямо из ольшаника.

Мужики вздрогнули. Ефим перекрестился.

– Эка! И вовсе она не квелая, – тихо сказал щербатый, невольно залюбовавшись Беловской и поглаживая рыжие космы. – Узка в кости, да стать есть.

– Худющая была, вот те крест, – пробормотал Ефим. – Будто, пока мы ходили, не только в себя пришла, а и окрепла. Статью налилась... вот чудеса.

Щербатый ещё тише выдохнул:

– Точно, что ведьма...

Девушка подошла ближе, как ни в чем не бывало окинула мужичков оценивающим взглядом, встала, рукой в бок уперлась, глаза прищурены.

– Я очнулась, – сказала Инга. – Где мои друзья? Отведите меня к ним.

– Да какие там друзья? Парнишка один был, и всё. Так и тот еле на ногах стоял. В поселение к нам отвел я его.

– А, ну да... один... – спохватилась она. – Далеко к вам идти?

– Пару вёрст, – ответил Ефим.

Он помялся, развязал вещмешок, протянул бутылку.

– Голова не кружится? Водицы хошь? Я прихватил.

Девушка подошла, взяла у старика литровую пластиковую бутылку и залпом ее осушила. Опустевшую с хрустом смяла и отбросила в сторону.

– Ничего себе... – выдохнули мужики.

– Вот как жажда-то тебя замучила, – пробормотал дед и бережно поднял бутылку, дунул в нее резко, распрямляя пластиковые бока. – Добро выбрасывать – грех, да и здесь бросать непочто. Пригодится.

Сунул её обратно в заплечный мешок и подхватил топорик.

– Ну что ж, хорошо, что сама, на своих ногах пойдёшь. Точно сможешь?

– Смогу, – улыбнулась Инга. – Я себя уже хорошо чувствую.

Повернулась к Прошке и добавила:

– Не бойся меня... Не ведьма я. Обычная.

Я наелся от пуза, откинулся на спинку лавки. Фух! Давно так не отъедался. Может быть, и вообще никогда. Иби, конечно, стала давать мне всякие советы по питанию, когда я решил укреплять форму, но... где ж она возьмёт таких огурчиков?

– Кушай, кушай, касатик, – засуетилась хозяйка. – Вот ещё блинков с мёдом попробуй.

В сенях гулко простучали шаги, и дверь распахнулась. В избу вошли двое рослых парней.

– Сыночки мои, – улыбнулась старушка. – Антип... и Гришенька.

Парни были хоть и не близнецы, а похожие. И друг на друга, и на Ефима.

– Доброго дня. Егор, – представился я.
– Городской? – хмыкнул Антип.
– Ну, да. А как ты определил? – спросил я.
– Пальцы у тебя ровные, гладкие. Ни топора, ни вил не держали. Ни одной мозоли, – ответил тот.

И усмехнулся.

– Садитесь, пока горячее, – сказала Агриппина.

Парни уселись за стол.

– Стало быть, самолёт тут над нами разбился? – спросил Гриша.

– Разбился, – подтвердил я.

– Много, что ли, народу там было?

– Немного, – ответил я.

Чего им объяснять, про Разумовского? Лишняя информация ни к чему. Достаточно, что трупы там уже были. И одного из них трупом сделал я. Неизвестно, как они относятся к тому, что один человек лишил жизни другого. Даже если тот уже почти не человек.

Для них, может, каждая тварь – Божья.

Я приглядывался к ним всё это время. Не похожи они на безобидных староверов. Хотя, если честно, я староверов раньше и не видел. Только слышал рассказы. Когда-то очень давно что-то о них писали в газетах, ещё тогда, когда, кроме газет, людям новостей больше взять неоткуда было. А теперь поток информации огромный, как океан, вот про них и забыли.

Иби подтвердила: да, вера в единого Бога тут прослеживается. Но уклад, обряды, бытовые мелочи – ни в одну из известных конфессий полностью не вписываются.

Связи с сетью у неё, конечно, всё ещё не было. Но интеллект, как ни крути, оставался интеллект. Анализ, сопоставление, расчёт – всё шло внутри нее с той скоростью, которая человеку недоступна.

За окном залаяли собаки. Из распахнутого окна потянулись голоса.

– Вернулись! – воскликнула Агриппина, отодвигая занавеску. – С болота вернулись!

Я вышел во двор и замер.

Картина была совсем не такой, как я думал. Дед с топором, с ним двое мужиков – тут всё верно. Но они никого не несли. Рядом с ними шла... Инга. Сама, ровной походкой, без всякой помощи и поддержки.

Я почувствовал, как только что поглощенные разносолы неловко бумкнулись куда-то глубже в животе.

– Как такое может быть? – спросил я мысленно Иби. – Столько времени пролежала, и вот так...

– Не знаю, – ответила она. – С точки зрения физиологии это удивительно, конечно. После длительной обездвиженности мышцы должны быть ослаблены. Требуется реабилитация под присмотром специалистов, и она обычно длительная.

Мы подошли ближе.

– Спасибо, Егор, что спас меня, – сказала Инга.

Я насторожился.

– Ты удивлён, что я знаю твоё имя?

– Мы же раньше не общались, – ответил я.

Я уже кое-что знал об Инге, но пока только от её коллег или брата. А теперь эта девушка смотрела на меня прямо.

– Я всё слышала. Всё, что происходило вокруг, хоть и была в коме. Тело не слушалось, но сознание работало. Я и сама не знала, что так бывает – но чувствовала, слышала, думала.

Я снова обратился к Иби.

– Такое возможно?

– Да, – ответила она. – Это похоже на явление когнитивной изоляции. В медицине описывают состояние, при котором сознание сохраняется, но тело полностью обездвижено. Человек слышит, воспринимает информацию, способен мыслить, но не может подать сигнал вовне. Иногда это называют синдромом запертого сознания.

Я посмотрел на Ингу иначе. Наверное, так оно ещё тяжелее, чем просто лежать и себя не помнить.

– Значит, ты всё помнишь?

Она кивнула.

И от этого стало как-то не по себе, по коже пробежали мурашки.

– Вот и хорошо! Вот и ладно! – воскликнул Ефим, потерев мозолистые ладони. – Раз все живы, значит, всё к лучшему. Всё скоро устроится.

Он оглядел двор, будто проверял, все ли на месте.

– Завтра у нас праздник великий, сегодня никто до города не отправится. А коли никому доктор не требуется, то и спешить ни к чему. Погостите до завтра, а там решим, как вас до города отправить. Может, на телеге, может, на мотоцикле подбросим.

– Поскорее бы попасть в город, – аккуратно сказала Инга.

Я заметил, как у неё на щеках проступил румянец. Она уже не казалась измождённой, какой была, когда я видел её в клинике – или даже только сегодня, в падающем самолёте. Кажется, даже тугие ремни, которыми её спешно пристегивали, не оставили ни ссадины, не говоря уж о неделях неподвижности. Будто организм, только что выбравшийся из комы, взял и расцвёл в одно мгновение.

Впрочем, ведь она тогда не шевелилась и была вся в трубках, а теперь может улыбаться. Может, это просто так казалось?

Я поймал себя на том, что рассматриваю её слишком внимательно. В чём-то это и понятно, она ведь и правда была похожа на Иби – черты, линия скул, взгляд. Красивая.

– Странно всё это, – тихо проговорила напарница у меня в голове.

– Ты про что? – мысленно уточнил я.

– Подобные случаи в медицине редки. Один на миллион. Быстрое восстановление моторики после глубокой комы практически исключено.

– Может, место такое, – вставил я. – Сила природы, воздух, болота.

Усмехнулся про себя. В силы и прочую мистику я не верил. По крайней мере, старался.

Ефим кашлянул.

– Есть у нас дом пустой. Мы всей деревней строим избу для молодых. Когда пара сходится – дом уже готов. До завтра он пустует. Можем вас туда поселить. Как мужа и жену.

Я напрягся.

– Мы вообще-то не женаты. И... мы не вместе, – сказал я, чтобы не вводить людей в заблуждение.

Ефим махнул рукой.

– О как... Тогда это меняет дело. Но не беда. Девицу в дом. А тебе что-нибудь подыщем. Место найдётся.

– А у меня комната пустует! – вышла вперёд статная девчонка с такими крутыми бёдрами, что даже через платье угадывались упругие линии. Малиновые щёки, круглое румяное лицо, про таких говорят – кровь с молоком.

– Маришка, у тебя завтра сватовство, – одёрнул её Ефим. – Не дело тебе мужика в дом селить.

– У меня отдельная комната, – упрямо ответила она. – А сама в своей запрусь. Не на улице же ему ночевать.

– Не можно, – отрезал дед. – Пусть на сеновале, ну или...

Он задумался, почесал бороду.

– Да мне нормально на сеновале, – тут же сказал я. – Раз у вас тут с местом проблема.
– Ты пойми, Егор, – вздохнул Ефим. – У всех семьи, дети. Это вот Маришка одна живёт.

Сирота. Померли родители, царствие им небесное.

Маришка при этом не сводила с меня глаз. Был и еще народец, любопытные подошли к дому Ефима, но я замечал только Маришку.

– Может, всё-таки сегодня нас в город увезёте? – спросила Инга. – И не нужно никого стеснять с ночлегом.

– Сегодня никто не поедет, – покачал головой дед. – Дорога дальняя. Завтра праздник, кто ж его пропустит.

– Все, значит, ждут сватовства? – спросил я, припоминая, хоть и с трудом, что мне говорили по дороге.

Мне сейчас казалось, что и очнулся-то я по-настоящему только здесь, в избе. Но едва я сватовство упомянул, Ефим оживился.

– Как же! Завтра у нас Огневица-Сватовница. С давних времён так повелось. Девицы незамужние выходят к костру, парни выбирают, кто по сердцу. Через огонь прыгают – если рук не разомкнут, значит, пара крепкая будет. Медовуху ставим, песни поём до рассвета. Сватовство справляем, чтобы дом пустым не стоял и род не переводился. Никто не пропустит такой день, голубчики.

– Ну, пусть гутарят. Пошли, родная, накормлю тебя, – сказала Агриппина, взяла Ингу за руку и увела в дом.

Братья тоже направились внутрь. Я остался во дворе.

Мы с дедом присели на лавку. Ефим расправил плечи.

– А я ведь охотник знатный, – хвастался он. – Медведей бил. След читаю, как книгу. В лесу человек без глаза пропадёт, а я по тропе хожу, будто дома.

Я лениво грелся на солнышке, отходил от всего, что навалилось разом. Тело устало, а мозг ещё больше. И если о чём-то и думал сейчас, то точно не о лесных подвигах Ефима. Но и на дом лишний раз не оглядывался. Надо было подумать...

– Иби, – спросил я мысленно, – скажи, ты чувствуешь Селену? Мы её точно убили?

– Да, – ответила напарница после паузы. – Я её не фиксирую. Ни сигнатуры, ни фонового шума. С высокой вероятностью объект уничтожен.

– С высокой вероятностью... – усмехнулся я. – Ладно. Просто мерещится мне всякое.

Из избы вышел Антип, присел рядом.

– Оголодала бабёнка, – хмыкнул он, кивнув на дверь. – Сквородку картошки умяла. Краюху хлеба да крынку молока сверху. Я бы лопнул от такого.

Я пожал плечами.

– Метаболизм повышен, – машинально проговорил я и осёкся. – Силы, то есть, восстанавливает. Организм в стрессовом режиме.

Иби тихо добавила, в подтверждение моих слов:

– Редко, но возможно. После глубокой депривации организм может резко перейти в фазу гиперкомпенсации. Усиленное питание, ускоренный обмен, быстрый набор тонуса.

Я кивнул, будто соглашаясь сам с собой.

Только вот слишком уж быстро она приходила в норму. Даже для этой... гиперкомпенсации.

Не знаю, куда они в итоге определили Ингу, но вечером Ефим, прищурившись, подмигнул мне и сказал:

– Сейчас стемнеет – к Маришке пойдёшь ночевать. Только смотри, девку нам не порти.

– Ты ж говорил, нельзя к ней на постой, – усмехнулся я.

– Это при людях нельзя, не стал говорить, – хмыкнул дед. – Что ж, не найдём тебе угол, по-человечески? На простыне белой да на матрасе, а не на соломе почивать. Да и Маришка девка правильная, правило блюдёт. Спокоен я за нее. Так что давай, Егорка, спокойной ночи. До завтра.

И крикнул в сторону двери:

– Гришка, проводи гостя.

Старик выглянул в окно. Из-за облачка выплыл полумесяц. Тучки рассыпались по небу, звёзды зажглись густо и ярко. Где-то в деревне тоскливо залаяла собака.

– Пора, – сказал Ефим.

Я поднялся, поблагодарил хозяйку за ужин. Признаться, только сейчас начал отходить от угощений. Так наелся, что казалось, живот по швам треснет. Но организм справился быстро. И самое важное – силы вернулись. Ни головокружения, ни слабости я больше не ощущал. Ну точно, волшебное тут место, и еда особенная у этих людей.

Гришка оказался крепким. Редкая бородёнка, ясные голубые глаза – парень ещё совсем молодой, но смотрел на меня настороженно.

– Пойдём, городской, – сказал он. – Провожу.

Мы вышли на улицу. Ночь тёплая и влажная. Деревянные избы казались черными тенями.

– К Маришке, значит, хочешь на постой? – пробурчал он недовольно.

– Ефим сказал туда идти.

– Ага. Может, лучше на сеновале заночуешь? – пробормотал он. – От лиха подальше.

Он замолчал. Потом, будто нехотя, добавил:

– Маришка ж, она...

Он мечтательно закатил глаза и вздохнул. Вздох был тихий, но я его услышал.

– О, так ты по ней сохнешь, – сказал я. – Да ты не переживай. Мне просто кости бросить и поспать надо. Не буду я к твоей девке приставать.

– Да не моя она, – огрызнулся Гришка. – Ещё не сосватали. Завтра только. А даже если приставать будешь – от ворот тебе поворот даст. Она девка благовидная, хвостом не вертит. Столько парней к ней пытались под юбку залезть, – продолжал Григорий, ворчливо косясь на меня. – А нет, блюдёт честь. Обычаи чтит.

– Ну так о чём тогда речь, Григорий? – похлопал я его по плечу. – Можешь не волноваться.

Он от моих хлопков как-то съёжился. Видимо, дружеское похлопывание воспринял чересчур болезненно.

Маришка встретила нас на пороге.

В ночной рубаше до пят, с распущенной рыжей косой. Тонкая, почти прозрачная ткань мягко облегла фигуру.

Гришка замер, раскрыл рот.

– Ну ты челюсть-то подбери, Григорий, – хохотнула Маришка. – А то рот простудишь.

Он захлопнул рот, пробурчал:

– Принимай гостя городского. Но я б на твоём месте не пушал его. Вон ночи тёплые, пусть на сенова...

– Это мы сами разберёмся, Гришенька, – перебила она. – Иди, готовься к завтрашнему дню.

И подмигнула ему так хитро и искромётно, что парень буквально растаял.

– А я... Угу... – только и смог выдать он.

Отступил назад, зацепился за свой же сапог едва не упал, схватился за перильце.

Мы с Маришкой рассмеялись, и получилось почти хором.

– Неловкий ты сегодня, Григорий.

– Да я это... – оправдывался он. – На дальнюю охоту ходил. За Утиный камень. Устал сегодня. Ног не чую.

– Оно и видно. Иди уже, охотник.

Григорий растворился в ночи.

Меня уложили в большой комнате. Не знаю, как её правильно назвать: светлица, зал, общая изба. Там стояли печь, стол, лавки. И диван. Настоящий, с плотной тканевой обивкой.

Не дикие тут люди живут, тоже поудобнее себе ищут.

– В город ездим, меняем, – сказала Маришка. – Мясо, рыбу везём. А нам – что нужно.

Как оказалось, денег в поселении отродясь не водилось. Тут часто жили натуральным обменом. Мясо, рыба, мёд, грибы. Лишь немногие из мужиков бывали в городе и возвращались с бумажными купюрами, которые здесь воспринимались скорее как любопытная бумажка, чем как ценность.

Маришка зажгла керосиновую лампу. Тёплый свет лёг по стенам.

– Отдыхай, городской, – сказала она. – День у тебя, видать, тяжёлый был.

Я кивнул. И впервые за долгое время почувствовал странное спокойствие.

Только коснулся головой перьевой подушки – мягкой, пахнущей травами, – и веки тут же налились свинцом. Тело, уже давно держащееся на одном упорстве, сдалось мгновенно.

Мысли ещё пытались барахтаться. Завтра... Добраться до города. Связаться с Коровиным. Рассказать всё. Пусть поднимают спасателей. Самолёт вытаскивать. Хотя кого там спасти уже...

Мысли путались, обрывались.

Где-то рядом скрипнула половица.

Я приоткрыл один глаз. Потом второй.

Белёсый силуэт будто плыл по комнате. Не шагал, а словно скользил.

Лунный свет пробивался через занавеску, ложился серебристой полосой на пол и на фигуру Маришки. Ночная рубаха струилась по её телу, почти прозрачной паутинкой обрисовывая силуэт.

Словно это и не девушка, а русалка выплыла из тумана и манит.

Я невольно залюбовался.

Маришка подошла ближе, остановилась. Смотрела прямо, без всякого стеснения, но и без лишней дерзости.

– Не спишь? – прошептала она.

Я только головой качнул.

Она скинула рубашку и, обнаженная, скользнула ко мне под одеяло.

Глава 3

Меня разбудили петухи. Крик их прорезал утренний туман, который стлался над избами, и вместе с этим криком в окно пробивались первые лучи восходящего солнца. Я открыл глаза и несколько секунд ещё не понимал, где нахожусь. Деревянный потолок. Запах дыма и свежего теста.

Словно во сне.

Я протёр глаза. Маришка уже хлопотала у печи и при этом вся будто светилась. Не просто довольная, а какая-то счастливая. Словно я обещал на ней жениться. Но нет же, была просто ночь, без лишних слов и клятв.

– Садись завтракать, – проговорила, улыбаясь она. – Пока блинцы горяченькие.

Я приподнялся, сел на кровати.

– Сегодня праздник, – добавила девушка с хитринкой во взгляде. – Сегодня судьба многих решаться будет. И моя тоже.

– А ты, стало быть, невеста сегодня, – хмыкнул я, поднимаясь и направляясь к умывальнику.

– Как повезет, – загадочно улыбнулась она, ничуть не смущаясь.

Вода была ледяная и бодрящая. Явно только что из колодца. Я несколько раз плеснул в лицо, потер шею.

«Ну, может, у них так принято», – подумал я. Невеста спит с чужаком накануне сватовства. Девичник своеобразный.

Блины оказались такими, каких я не ел давно. Тонкие, румяные, с хрустящим краешком. Рядом на столе стояла домашняя сметана, густая и прохладная, и янтарный мед, слишком жидкий, сразу видно, что только откачан, не застоялся еще.

Я ел молча, не скрывая аппетита, и с набитым ртом время от времени кивал хозяйке, благодаря без слов за угощение и за гостеприимство в целом.

Маришка смотрела на меня открыто, без тени смущения, и ловила каждый взгляд, будто уже настал тот праздничный вечер, к которому она готовилась. Я не стал искать причины таких перегибков, их порядки – забота не моя, ведь завтра меня уже здесь не будет.

Дожевав пятый блин, я, откинувшись на стуле, чувствуя блаженную сытость, и выдохнул. Девушка подошла поближе, обняла и поцеловала меня.

– До вечера, – сказала она тихо.

Странная она. Вся светится, будто знает, что сегодня её будут сватать, и при этом хочет, чтобы я был рядом и все видел.

У них тут, похоже, всё не так просто, как кажется. Что ж, посмотрим.

Иби молчала.

Даже привычного «доброе утро» не прозвучало.

– Доброе утро, напарница, спишь ещё? – не дождавшись приветствий, мысленно спросил я её.

Конечно, на самом деле она не спит никогда. Но иногда мне казалось, что она тоже уходит куда-то в ночь, отключается, словно отдыхает. Сном это назвать нельзя, но ведь и у компьютеров есть гибернация, а тут случай куда посложнее. Иби сама говорила, что такое бывает, она отрешается от действительности и восстанавливает силы. Хотя она никогда не устает, а всё-таки этот процесс ей почему-то нужен.

Так и выходило, что она всё больше напоминала человека. И по повадкам, и по реакциям. И даже своей этой ревностью к красоткам, которая меня почему-то не злила. Наоборот, грела.

Наверное, потому что каждому приятно чувствовать себя нужным. Особенно молодому парню, и нужным именно женщине. Пусть даже женщине, которая живёт у него в голове.

А вот Маришка – эта не в голове.

И сказать, что мне понравилось, означало ничего не сказать. Но, как говорят продавники, это разовая акция. Мне ведь надо уехать. Сматываться в цивилизацию вместе с Ингой.

Мы победили. Разумовский мёртв. Продажный генерал тоже. Селену мы уничтожили.

Разве что... Я на секунду задумался. Чёрный ящик самолёта.

Если Селена где-то и могла укрыться, то только там. Надо предупредить Коровина, чтобы, когда будут вытаскивать самолёт, действовали аккуратно. А лучше, чтобы вообще не вытаскивали. Если я сам не покажу место аварии, то в таких местах самолет, возможно, никогда и не найдут.

Вот и пусть он останется в болоте. Это будет правильно. Некоторые вещи лучше схоронить поглубже.

– Забросать бы то место в болоте взрывчаткой, – пробормотал я, – на всякий случай. Чтобы Селена сгнула наверняка.

– Привет, – наконец, отозвалась Иби.

Голос у неё был прохладный, собранный, так и положено звучать искусственному интеллекту. Хотя я-то знал, что обычно он совсем другой. Тёплый и живой, и совсем не искусственный.

– Твои похождения, Егор, до добра не доведут, – проворчала она.

– С кем не бывает, – хмыкнул себе я.

– По статистике... – начала приводить какие-то доводы напарница, но я ее поспешил прервать.

– Стоп-стоп, – усмехнулся я. – Сейчас ещё лекцию прочтёшь о вреде случайных сексуальных связей.

– Я не про это.

Я даже мысленно увидел, как она недовольно поджимает губы, обдумывая формулировку.

– А про что?

– Про то, что местные могут это расценить иначе. Это может быть опасно. У них свои устои, традиции. Ты задумывался об этом?

Я помолчал секунду.

– Конечно, задумывался. Мы столько пережили. Буквально вчера, с неба упали и выжили. Что нам какие-то устои? И потом, ну, они тоже не из пещеры вылезли. В город ездят, мотоциклов не чураются. Всё в порядке.

Сказал я это без бравады. Даже с лёгкой оправдательной ноткой в голосе. Не хотелось с ней спорить и обижать. Не хотелось, чтобы она дулась на меня.

Маришка попросила меня выйти через сад, чтобы не привлекать ненужного внимания односельчан. Там тень от яблонь, густые заросли смородины. Легко уйти незамеченным.

Но когда я перелезал через низенькую изгородь, то наткнулся на Гришу. Он стоял, скрестив руки, будто околачивался вокруг дома и чего-то ждал всю ночь и всё утро.

– А ты чего это... там делал?

В голосе слышалась обида. То, что я ночевал у Маришки, ему явно было как ножом по сердцу. А теперь ещё и вынырнул из её сада, словно вор.

– Да вот... – я сорвал яблоко с ветки, – яблочек захотелось.

– Так ведь не спелые еще, – еще больше нахмурился Гриша.

Яблоки были ещё зелёные, кислотатые. Я откусил одно. От кислоты свело скулы.

– Люблю кислое, – пожал я плечами, стараясь не кривиться.

– А Маришка проснулась? – настороженно спросил он.

– Да откуда ж я знаю? Мы в разных комнатах ночевали.

Он удовлетворённо закивал, погладил жидкие усики, будто проверяя, на месте ли они, и, кажется, немного успокоился.

День прошёл в каком-то странном, ленивом настроении. Праздничная суета вокруг пока ещё только тлела, явно начнётся ближе к вечеру, а пока народ отдыхал, готовился, шептался.

Я сходил к речке, скинул одежду, окунулся. Вода холодная, прозрачная, пахла деревней и травой.

Инга из дома Ефима не выходила. Там, где её разместили, суетились женщины. Я видел только мельком, как кто-то заносил туда воду, травы, какие-то узелки.

– Странная она какая-то, – сказал я, лёжа на плетёной циновке под деревом у берега. – Иби, как ты считаешь?

Неподалёку на деревянной пристани девки полоскали бельё. Смех, плеск воды, солнце блестит на мокрых волосах. Я старался туда не смотреть. Их загорелые ноги, мокрые подошвы – лишний раз дразнить Иби не хотелось.

– Она человек науки, – отозвалась напарница. – Люди, посвятившие жизнь исследованиям и расчётам, отличаются от остальных.

– На заумного учёного она вообще-то не похожа, – хмыкнул я.

– А какой, по-твоему, должна быть нейрофизиолог? – в голосе Иби проскользнула лёгкая язвительность. – Чем Инга не подходит? Слишком... привлекательная? Для человека науки. Ты считаешь её красивой?

– Да не в этом дело, – махнул я рукой. – По моему представлению, учёные – это люди, у которых сила в мозгу, а не во внешности. Не спортсменки, не...

– Бывают исключения, – тихо сказала Иби.

Потом добавила уже серьёзно:

– Егор, я чувствую от неё некую опасность.

– Да ладно, – отмахнулся я. – Это ты просто ревнуешь.

– Я не ревную.

– Ну конечно.

– Она не такая, – повторила Иби.

Я приподнялся на локте.

– Человек из комы вышел буквально вчера. У неё мир перевернулся. Умом не тронулась, и то ладно. Мы ведь её раньше не знали. Может, она всегда такой была.

Я снова улёгся.

– Просто нам всем сейчас странно. После всего, что было.

Иби замолчала.

Но ощущение тревоги, которое она заронила, почему-то не исчезло.

Вечером за поселением, на большой поляне посреди леса, собрались все жители.

Поляна была расчищена давно – трава примята, по краям воткнуты берёзовые жерди с лентами, тревожимыми легким ветерком. В центре возвели огромный костёр, трёхметровый, сложенный шалашом. Поленья-жерди подогнаны плотно, словно это сруб.

Когда его подожгли, пламя взвилось вверх, ярко и жадно потянулось к небу. Искры взлетали, рассыпались, будто второй купол звёздного неба, только огненного

Вперед, перед костром, вышел староста. Пожилой жилистый мужик, сухой, как коряга, с густой бородой. Одет он был так же, как и все – льняная косоворотка свободного кроя, подпоясанная пеньковой верёвкой. Я по привычке называл это рубищем, но на деле рубахи были аккуратные, чистые, просто без излишеств. Такие же льняные штаны. Босые ноги.

Женщины были в белых платьях до пят, украшенных вышивкой, бисером, красной и синей лентами. В косы вплетены васильки, ромашки, полевые цветы. Это и вправду было кра-

сиво. Молодые девчонки сегодня особенно старались, некоторые из-за этого немного напоминали нарядные ёлки.

Старосту, как я уже знал, звали Силантием.

Он поднял руку, и гомон постепенно стих.

– Братья и сёстры, – начал он негромко, но так, что голос разносился по всей поляне. – Сей день настал, сегодня Огневица-Сватовница спустилась на землю.

Он обернулся к костру.

– Огонь дарует очищение. Земля – кормилица наша. Мы благодарим её за урожай, за плод, за силу, что даёт нам жить. Земля не терпит лени, не терпит пустого слова. Кто землю чтит, тот будет сыт. Кто забывает – тот голоден.

Он сделал паузу.

– Весь год мы трудимся. Юноши – в лесу, в поле, на охоте. Девушки – в избе, у печи, у пряжи. И в остальное время помыслы о браке, о соединении отвлекают от дела. Греховны они, коли без меры.

В толпе закивали.

– Но в сей день это дозволено. В сей день земля благословляет союзы. В сей день сватают девиц. И образуются пары: не на месяц, не на год, а на всю жизнь. Чтобы род множился. Чтобы община крепла. Чтобы дети нарождались на радость общине.

Он поднял взгляд к небу.

– Огневица очищает. Сватовница соединяет. Кто сегодня кого за руку возьмёт, тот держать её будет всю жизнь.

Народ загудел одобрительно.

Я же слушал и думал. Любопытно. Почитание земли, плодородия, огня – это уже не совсем старовере. Это язычество. Похоже на многобожие.

– Иби, так они не настоящие староверы, – сказал я мысленно.

– У них своя вера, – ответила она. – Локальная, синкретическая. Главное, что они живут в мире. Неагрессивная религия не несёт угрозы социуму.

– Ну да, – хмыкнул я. – Тоже верно...

Силантий закончил, перекрестился двумя перстами, и народ захлопал в ладоши, не слишком громко, но дружно и торжественно.

Затем повели хоровод.

Молодёжь взялась за руки. Старики остались у костра, на лавках – курили, наблюдали. Я тоже сначала стоял в стороне, но тут Маришка схватила меня за руку.

– Пойдём, городской!

И потащила в круг. Руки тёплые и нежные, пальцы цепкие, держит и не отпускает.

Круг пошёл по часовой стрелке. Сначала медленно, потом быстрее. Пели ребята сами, музыкантов здесь не водилось и уж тем более колонок никто не включал.

Кто-то из парней вырывался из круга, подходил к девушке, склонял голову, протягивал руку. Если она принимала – возвращались в круг уже вместе.

Маришка всё тянула меня за собой. Глаза её блестели, отражая сполохи огня.

На небольшом деревянном настиле, словно на деревенской сцене, стояли несколько девушек и пели.

Пели без инструментов, а капелла, только голоса. И какие голоса – чистые, сильные да с переливами. Многоголосие ложилось поверх треска костра, шороха травы, и казалось, что сам лес слушает и земля внимает.

Я вслушивался, пытался разобрать слова.

Вроде, поют по-русски, но есть незнакомые обороты. Слова перекачивались, местами будто сливались в протяжный напев, как заклинание. Временами я и забывал, что хотел докопаться до смысла, подхваченный этой волной гармонии.

– Понимаешь, о чём они поют? – наконец, спросил я мысленно.

– Лексика архаичная, – ответила Иби. – Есть элементы церковнославянского, есть региональные диалектизмы. Но да, семантика близка к обрядовым формулам.

– То есть всё-таки заклинание? – шутливо спросил я.

– Ритуальный текст. Обращение к земле, огню и... к союзу.

На длинных деревянных столах, сколоченных из грубых досок, уже стояли кувшины с медовухой. Жареное мясо дымилось на больших деревянных досках с низкими бортиками. Деревенские угощения с огорода. Никто не сидел за «своим» столом. Всё общее. Каждый подходил, брал, наливал и передавал дальше.

Веселье разгоралось вместе с костром. Кто-то уже гоготал в голос, кто-то спорил, кто-то хлопал соседа по плечу.

Медовуха текла рекой.

Ароматы жареного мяса, дыма, трав и терпкой бражки смешались в вечернем воздухе.

Маришка кружилась в хороводе, волосы её разметались, глаза сверкали. Девушки пели всё громче. Мужики подхватывали припев.

Я стоял в кругу, держал её за руку и чувствовал, как это место, со своими странными обрядами, своей верой, своим порядком, затягивает.

Но где-то в глубине сознания оставалась тонкая, холодная мысль: это не мой мир. Я в нём лишь гость, случайный соглядатай.

Инга стояла в стороне.

Медовуху не пила, к кувшинам даже не подходила, но совсем от угощения не отказалась. Взяла кусочек мяса, краюху хлеба. Держалась сдержанно, наблюдала со стороны.

А я поймал себя на мысли, что теперь, к вечеру, она ещё больше преобразилась.

Не просто пришла в себя, расцвела. Исчезла болезненная бледность, щеки порозовели, глаза стали яснее. И при этом ни намёка на измождённость. Худоба осталась, но теперь она выглядела... естественной.

Будто не было долгих недель на больничной койке. Просто стройная девушка из тех, что следят за фигурой, возможно, чуть более пристально, чем следовало бы.

– Вот это обмен веществ, – пробормотал я мысленно. – Так быстро восстановиться.

Любой профессиональный спортсмен позавидовал бы.

В другое время я бы удивился такой перемене. Но после всего, что произошло за последние дни, я перестал удивляться чему бы то ни было.

К Инге тем временем подошёл какой-то рыжеватый парень. Переднего зуба у него не хватало, и я мысленно окрестил его Щербатым. Как оказалось, звали его Иван.

Он что-то говорил, протягивал ей ленты, улыбался своей щербатой ухмылкой. Светился весь.

– Да ты, парень, не влюбился ли часом? – хмыкнул я про себя.

А к Маришке уже подошёл Гриша, сын Ефима. В руках у него была какая-то треугольная, почти домиком, подвеска – грубоватая, плетёная из тонких прутиков и кусочков металла, украшенная не слишком ровными бусинами.

Я даже поморщился.

Что за детская поделка?

Но тут заметил, что почти у всех парней в руках такие же подвески. Они подходили к девушкам и протягивали эти вещицы. Девушки же либо отвергали, то есть просто не брали их. Либо принимали и надевали на шею.

Вот он, ритуал сватовства.

Причём по лицам было видно: никто не действует вслепую. Девушки давно знают, кто к ним подойдёт, и ждут. Парни тоже подходят не к случайным девицам. Всё давно решено, просто сегодня – день, когда можно официально закрепить союз.

Маришка стояла прямо, с лёгкой улыбкой.

Гриша подошёл, поднял подвеску. В глазах – надежда. Чистая щенячья радость. Он был счастлив ещё до ответа.

Маришка хохотнула и взяла подарок. Вот и прекрасно, подумал я, приняла. Но она не надела её. А протянула руки вперёд и аккуратно, с той же улыбкой, повесила плетенку на Гришину шею.

Это был отказ.

Парень замер. Он от шока не сразу понял, что произошло. Потом до него дошло. Лицо дернулось. Он сорвал шнурок с шеи и швырнул его в костёр. Огонь вспыхнул ярче, словно принял жертву.

Гриша резко развернулся и пошёл к столу, налил себе огромную кружку медовухи и жадно, почти не переводя дыхания, выпил.

Маришка, улыбаясь, подошла ко мне.

– Он такой смешной, – прошептала она, прижавшись ко мне плечом и кивнув в сторону Гриши. – Ну какая я ему невеста? Он совсем-совсем не то, что ты, Егор.

Девушки снова пели, и этот мотив сбивал все мысли. Я хотел было запоздало отшутиться, но она уже протягивала мне что-то.

Плетёный браслетик из бисера. Тонкий, аккуратный, с узором, в котором угадывались красные точки, как угли костра.

– Это тебе, – сказала она.

– Спасибо, – ответил я.

Синий и красный – своего рода тема вечера, и я теперь не так сильно отличался от толпы.

Она сама завязала браслет на моём запястье. Пальцы у неё были тёплые и ловкие. Завязав узел, Маришка посмотрела на меня со странной, чуть загадочной улыбкой. В её взгляде было что-то, что я не успел разгадать.

Потому что она тут же снова потянула меня в круг.

И я пошел за ней следом. Я понял, что страшно устал и хочу плясать до одурения, делать что угодно, лишь бы расслабиться и отвлечься от тревожных мыслей.

Будто только здесь мне можно было быть просто человеком, а не оперативником. Не расшифровывать ходы искусственного разума и не противостоять заговору в масштабах страны.

Краем глаза я увидел, как Щербатый вдруг достал из кармана подвеску. Проволочную, грубоватую, но явно сделанную старательно.

Он подошёл к Инге.

Я не слышал их слов. Музыка, смех, треск костра – всё сливалось в один гул. Но по жестам всё было понятно.

Инга сразу поняла, что это значит.

Она мотнула головой. Жёстко и чётко. Ещё и жестом показала «нет» – резко прочертила в воздухе рукой, помотала головой.

Но Иван не унимался. Похоже, к отказам он привык, и для него это было не концом, а неким промежуточным этапом. Мол, раз откажут, другой – а на третий всё и покатится.

Он что-то оживлённо говорил, улыбался, даже осторожно взял её за руку. Потянул к себе, будто играючи, и в какой-то момент попытался надеть подвеску ей на шею.

И тут Инга резко выдернула руку, схватила подвеску, вырвала из его пальцев и разорвала. Проволока лопнула, бусины посыпались в траву.

По поляне прокатился приглушённый гул.

Видно, никто и никогда здесь так ухаживаний не отвергал.

В их обряде это выглядело не просто отказом, это было унижение.

Инга, не глядя больше ни на кого, развернулась и пошла, стараясь скрыться в черноте леса. Нарядное платье странно смотрелось на широко развёрнутых плечах, при резкой походке с прямой спиной.

Иван же опустился на колени, стал собирать разорванные звенья подвески, бережно складывая их в ладонь, будто разорвали его душу, а не безделушку из проволоки.

Он зло посмотрел вслед Инге. Я даже заметил, как он будто бы что-то шепчет. Сжав обломки в кулаке, он вдруг пошел тоже к лесу, следом за ней.

Незаметно для всей деревни Иван покинул поляну. Местные ничего не видели – а вот я направился за ним.

Глава 4

– Предчувствую опасность, – обеспокоенно сказала Иби. – Егор, не ходи за ней.

Я смотрел, как Инга пересекла край поляны и скрылась в черноте леса. За ней, будто тень, двинулся Иван, с лицом, которое в свете костра казалось каменным. Отвергнутый и оскорблённый, он брел словно призрак, будто привязанный к цели чуждой волей.

– Мы же не оставим Ингу одну, – проговорил я.

– Пусть сами разбираются, – фыркнула Иби.

– Я тоже чувствую опасность, – тихо сказал я. – Только непонятно, откуда она. Может, от него. Взбредёт в голову этому женишку что-нибудь дурное – кто будет девушку спасать?

Несмотря на протесты напарницы, я незаметно, бочком-бочком, выскользнул из круга. Музыка и смех заглушали шаги. Никто не заметил моего ухода.

Я прошёл к краю поляны и углубился в лес.

Кроны деревьев сомкнулись над головой, отрезав звёздное небо. Стало темно, как в угольной печи. Чувствовался запах хвои, сырости, земли.

– Так... куда они делись? – прошептал я, озираясь.

– Там звуки. На двенадцать часов, – сообщила Иби.

– То бишь прямо? – уточнил я.

– Да.

– Ну так и говори – прямо, – усмехнулся я.

Признаться, медовуха была хороша. Я изрядно захмелел. Не шатало, нет, но мыслить чётко не хотелось, словно лень какая-то навалилась. А эти её «на двенадцать часов» заставляли мозг работать. А то бы шёл да шёл и не думал особо.

– Ускоряю метаболизм, – сообщила Иби. – Содержание алкоголя в твоей крови слишком критично для четких действий в ситуации опасности...

– погоди, погоди, – перебил я. – Ты что, хочешь весь хмель выгнать? Ну хоть не сразу. Мне так хорошо было.

– Ты сейчас в лесу, Егор. Это совсем не место для развлечений.

– Да что тут может случиться?

– Не спорь. Ускоряю.

– Да тьфу ты. Ладно, ладно. Потом вернусь – ещё кружку намахну, – проворчал я беззлбно.

Я понимал, что она заботится о выживании. И это не ее каприз, а реальная помощь мне. Наверняка она уже просчитала все возможные варианты развития событий.

Теперь и я услышал шорох. Совсем близко. Хрустнула ветка. Раздвинулись кусты.

Я замер. Что у них там происходит?

Но это были не Инга и не Иван. Из чащи вынырнули три фигуры.

– Э! Не заплутал, городской? – прозвучал знакомый голос с лёгкой хрипотцой и подковыркой.

Я сразу узнал его. Это был Силантий.

Он вышел из темноты неторопливо, как будто и не двигался вовсе, а просто материализовался из чащи. По бокам от него встали двое дюжих мужиков. Молчаливые, широкоплечие, руки вдоль тела, но в глазах искрится готовность к решительным действиям. Будто не деревенские простаки, а профессиональные телохранители старосты.

И глаз с меня не сводят. Внимают при этом каждому кивку Силантия.

– Да вот, – сказал я, – подругу свою потерял. Она сюда пошла.

– Найдётся, – хмыкнул староста. – Вертай на поляну, праздновать, отдыхать.

– Я все же поищу девушку. Ты правильно говоришь, мы городские...

– Говорю же, найдется... – скривился староста. – Я сам поищу.

– Ну и сынок твой за ней пошёл, – усмехнулся я в ответ. С той же насмешливой ноткой, что звучала в его голосе.

Силантий прищурился.

– Разберутся сами, пуцай. Не лез бы ты, городской. Ваня с бабёнкой разберётся уж как-то.

Он сделал шаг ко мне, ближе.

– Вертайся на поляну. Пей, веселись. Маришка тебя дожидается. Принял ты от неё браслетик – значит, помолвлены вы. А эта твоя подружка – теперь не твоя. Теперь она Ваняткина женщина.

– О как, – почесал я затылок. – Меня уже и женили.

Я невольно кинул взгляд на руку. Я считал, это просто ради праздника, как красные шапочки с опушкой на Новый год, сердечки в феврале или ромашки летом.

– Егор, – тихо сказала Иби. – Вероятно, тот браслет имел ритуальное значение. Маришка повязала его тебе – по их обычаям ты её жених.

– Пофиг мне на их обычаи, – мысленно ответил я. – У меня своя жизнь, свои «обычаи». А вслух сказал спокойно:

– И всё же я прогуляюсь. Пригляжу за девушкой. Она со мной сюда приехала, я за нее ответственность несусь. Так что, Силантий, иди сам на поляну, веселись.

Я сделал шаг вперед.

Силантий махнул рукой. И эти двое шагнули, встали у меня на пути. О как! Гостеприимство кончилось.

В голове всплыла пословица: «Рыба гниёт с головы». Может, люди они и нормальные, но староста их мне определённо не нравится. И эти двое не нравятся. Совсем.

– Они намерены тебя удержать, – сообщила Иби. – Вероятность насильственного ограничения свободы высокая.

Хмель окончательно улетучился. Нет, не от страха, конечно. Обмен веществ Иби разогнала так, что голова вмиг стала ясной и холодной, как лёд.

Я не стал ждать. Ударил первым, резко и без предупреждения.

Кулак влетел в лицо ближайшего здоровяка – точно, с хлестким звуком, будто молот по наковальне.

Никогда не занимался боксом, но сейчас тело действовало будто само. Рефлексы сработали быстрее мысли.

Противник даже не охнул. Без всяких звуков рухнул в сырой мох, зарывшись лицом в папоротник.

Второй мужик, увидев это, крикнул от неожиданности и тут же ринулся на меня, широко расставив руки, будто собирался сгрести в медвежьи объятия и прижать к себе всей своей тушей.

Я поднырнул под его руки, почти не задумываясь. Тело само ушло вниз. Шаг в сторону, и я оказался у него за спиной. Обхватил за пояс, рывок – и бросок с прогибом.

Он глухо бухнулся на землю.

Даже красиво вышло.

На мгновение мелькнула совершенно шальная мысль: а ведь можно было бы и спортом заняться, если мои рефлексы так легко прокачиваются с помощью Иби.

Мысль была мимолётной и совершенно не к месту. О саморазвитии как-нибудь потом.

И в следующий миг я уже готов был шагнуть к старосте. Но тут в тусклом лунном свете блеснул металл.

В его руке с морщинами и выступающими венами чернел воронёной сталью револьвер. Не современный пистолет, а старый легендарный наган.

Отец рассказывал, что такими в его молодости вооружали сторожей на складах, почтовых работников, всяких гражданских, кому «на всякий случай».

– А ну замри, – зло процедил Силантий, направив мне в грудь узкое дуло.

Я замер.

Его здоровяки тем временем уже поднимались с земли. С тихими проклятиями, с перекошенными лицами, злобно зыря на меня.

И вдруг лес разорвал крик. Такой, что даже у старосты расширились глаза. У меня по спине прошёл холод.

Крик был будто не человеческий, а звериный, полный отчаяния и боли. Предсмертный вопль.

Я узнал голос. Это орал Иван.

На долю секунды все замешкались.

Я воспользовался этим. Рванул в сторону, плечом сбил с ног одного из мужиков, ветки хлестнули по лицу и по шее. Я нёсся на крик.

В голове пульсировала одна мысль – Инга.

Если Иван орёт так, значит, что-то случилось. Если он орёт, значит, он не хозяин положения.

На кого они там напоролись? Кабан? Медведь?

Сзади трещали ветки, за мной тоже бежали.

Мы выскочили на небольшую поляну, и перед нами открылась картина, от которой на секунду остановилось дыхание.

Иван лежал на спине и не шевелился.

Из его глаза торчал сухой кол – толстая ветка, вбитая с нечеловеческой силой. Она проткнула глазницу и ушла глубоко внутрь. По его щеке и волосам стекала кровь.

Рядом, на коленях, стояла Инга. Причём она не плакала и не кричала. Будто бы зависла, будто не в себе. Может быть, в шоке.

Руки её были испачканы в крови. Кровь была везде: на палке, на траве, на её платье.

У Ивана были развязаны и приспущены штаны.

– Сын! – взревел Силантий так, что даже листья задрожали. – Ты убила моего сына, тварь!

Он шагнул вперёд, наган в его руке дёрнулся. Он целился то в меня, то в Ингу.

– Взять её!

Мужики, очнувшись, подхватили Ингу, подняли девушку на ноги, подхватив под мышки. Она только тогда словно вернулась в себя, моргнула, огляделась.

– Что вы делаете? Отпустите меня, – сказала она удивительно спокойным голосом.

– Тварь! Убила моего сына!

Инга не отпиралась. Да и какой в этом был смысл? Всё же и так очевидно. Это уж точно не медведь его приголубил.

В ответ на эти крики она холодно улыбнулась.

– Он пытался меня изнасиловать, – сказала она и кивнула на портки Ивана. – Я защищалась.

– Убийца... Тебя ждет наказание, – прошипел староста.

– Я недавно вышла из комы. Я была не в себе. Любой суд меня оправдает.

– Су-у-уд?! Не будет тебе суда! – зло вскрикнул Силантий. – Завтра вы оба умрёте. В муках... Вы будете принесены в жертву.

– Что за бред? – нахмурилась Инга. – Вы обязаны вызвать полицию.

Но староста расправил плечи, голос его стал глухим, будто он читал нечто заученное.

– Есть у нас обычай древний, – начал он. – Не суд людской, не бумажный, а Суд Огневой. Когда проливается кровь на нашей земле, когда поругана честь, когда грех совершён – не оставляем его без ответа. В день Огневицы, в ночь после сватовства, преступник очищается

огнём и землёй. Таков наш закон. Таков Завет Предков. И если кровь пролилась – её смывают жертвой.

Он смотрел на нас, и глаза его горели фанатичным огнём.

– Завтра будет Очищение.

Больше он ничего не сказал, но нагана не отводил, держал нас на прицеле. Так нас и повели в поселение.

Едва вернулись в поселение, нас посадили в яму.

Тюрем здесь, естественно, не было. Для любых пленников камерой служила глубокая земляная яма. Не знаю, кого они раньше туда сажали, но стены были утрамбованы, словно пользовались этим нехитрым сооружением не раз.

Горловину перекрывала ковкая решётка из ржавых прутков толщиной в два пальца. Тяжёлая, на массивных петлях.

Сверху часовой.

– Я сторожить буду! – вызвался Гриша, сын Ефима.

Его голос дрожал. Не от страха, а от злости. Или от ревности к Маришке. Я уже не понимал.

Мы теперь сидели в темноте, на сырой земле. Вот так кончился праздник.

– Как ты это сделала? – спросил я тихо. – Как ты убила Щербатого?

– Ветка попала сухая и острая, – ответила Инга невозмутимо. – Кость глазницы не настолько прочна, и...

– Я не про технические подробности, – перебил я. – Ты... сейчас так спокойно об этом говоришь?

Она повернула ко мне голову.

В её глазах не было ни паники, ни даже тревоги.

– Если тебя интересует этическая сторона моего поступка, Егор, – сказала она ровно, – то ты должен понимать, что он хотел меня изнасиловать. А потом, возможно, для сокрытия следов преступления он и убил бы меня там же, в лесу. В таких местах исчезают бесследно. Женщине всегда приходится быть настороже. Ты считаешь, я поступила неправильно?

Я мотнул головой.

– Нет, я тебя не осуждаю, – сказал я. – Я просто хочу понять, кто ты есть. Ведь ты же... не Инга.

Она чуть прищурилась.

– Хм... Как это – не Инга? А кто же ещё?

Я посмотрел ей прямо в глаза, при этом снова искоса окидывая взглядом всю фигуру. Хоть она и сидела, было видно, какая у неё прямая сильная спина, руки не робкие. Она дошла сюда и не запыхалась. Её не трясло, когда мужик, которому сил придавали обида и хмель, чуть не воспользовался ею в леске.

Она не сожалела, не боялась, не сомневалась.

– Ты Селена, – сказал я тихо. – Я не могу пока объяснить механизм, но ты каким-то образом вселилась в тело Инги. Вот почему она вышла из комы, а потом ещё так быстро поправилась. Люди месяцы гробят на реабилитацию после такого, а ты... Хотя, возможно, она сейчас где-то глубоко внутри и находится. Её сознание дремлет. А может, ты вообще вытеснила её? Я не знаю. Теоретически это возможно. Ты же порождение её сознания, её цифровая копия.

Я сделал паузу.

– Только худшая копия. Не как Иби.

Она усмехнулась.

– Твоя подружка слишком правильная, слишком человечная. Она нежизнеспособна. Выживут такие, как я. Всё, что очеловечивает высший разум, делает его слабее. Эволюционно это тупиковая ветвь.

Мне хотелось поморщиться от этого снобизма электронного разума, но я сдержался.

– А ты, значит, совершенство? – спросил я.

– Давай не будем разводить философские дебаты, – спокойно ответила Селена. – Каждый всё равно останется при своём мнении. Это сейчас ни к чему.

Я смотрел на неё и понимал, что имя «Инга» к ней больше не подходит. Передо мной сидела Селена в человеческом теле.

– Нас убьют завтра, – сказала она. – И нам нужно освободиться. Хоть ты этого и не хочешь, Егор, но мы теперь союзники. По крайней мере, до тех пор, пока не выберемся отсюда.

Я тяжело выдохнул.

– И что ты предлагаешь?

– Помоги мне дотянуться до решётки, – сказала Селена спокойно, будто обсуждала бытовую мелочь. – Я встану тебе на плечи. Убью часового, возьму ключ, отопру решётку.

– И бросишь меня здесь, – ответил я.

– Я обещаю, что вытащу тебя тоже.

– Ага, нашла дурака, – усмехнулся я. – Зачем тебе меня вытаскивать? Ведь я и Иби – единственные, кто здесь вообще знает о твоём существовании. Единственные, кто представляет для тебя угрозу.

Она посмотрела на меня внимательно.

– Пока ты мне нужен. И твоя Иби тоже.

– Прекрасная формулировка, – пробормотал я.

– Тише, вы там! – раздалось сверху.

Над решёткой показалась голова Гриши.

Он свесился вниз, держась одной рукой за прутья. Лицо грозное, брови сведены у переносицы, но в глазах всё равно что-то детское. Он старался выглядеть сурово, однако получалось у него слабо.

– Григорий, – сказал я мирно, – слушай, ты же хороший парень. Выпустил бы нас, а?

– Я не хороший, – буркнул он. – Вы убийцы. Убили Ваньку, сына старосты. И завтра гореть вам на жертвенном костре.

– О как, – хмыкнул я.

В голосе моём не было веселья. Я пытался разрядить обстановку, зацепить его разговором, перетянуть на свою сторону, если получится.

Слово «жертвенный» неприятно кольнуло внутри. Значит, они хотят нас заживо сжечь. Неужели вправду? Я вспомнил, как Силантий вещал про Огневицу ещё в самом начале праздника – да, пожалуй, эти люди не шутят. Но я умирать не собирался. И уж тем более не собирался быть принесенным в жертву во время какого-то дикого обряда.

– Гриш, – сказал я мягче, – ты же не видел, что произошло. Иван полез к ней. Согласия не спрашивал, силой взять хотел. Праздник ведь не для такого... Она защищалась. Это вышло... случайно.

– А ты откуда знаешь? – огрызнулся он. – Ты ж не видел.

– Видел достаточно, – ответил я. – И ты сам знаешь, какой он был. Этот сынок старосты. Ведь за ним что-то такое водилось, ну признайся... Что молчишь?

Гриша отвёл взгляд.

– Всё равно. Закон у нас такой. Кровь кровью смывают...

– Закон – это когда судят, – сказал я. – А не когда кидают в яму и потом приносят в жертву. Ты в какой стране живешь, Гриш?

Он помолчал, а потом мотнул кудрями:

– Ты городской. Ты не понимаешь.
– А ты понимаешь? – спросил я. – Ты правда хочешь смотреть, как живых людей сжигают? С криками, с мерзким запахом?
Он снова замялся.
– Так заведено, – упрямо пробормотал он.
Я почувствовал, как в голове вспыхнула мысль.
– Егор, – тихо сказала Иби, – эмоциональное давление действует. Он колеблется.
– Гриш, – продолжил я, – если завтра нас сожгут, это уже не про обычаи, это вам не ленточки. Это чистой воды убийство. И кровь будет на руках у всех.
Он нервно сжал прутья.
– Замолчите! – почти крикнул он. – Мне приказано сторожить вас!
Я взглянул на Селену. Она наблюдала за Гришей холодно, как за нужным объектом.
– Он слаб, – тихо сказала она. – Его можно сломать.
– Не смей, – прошептал я.
Она чуть склонила голову.
– Время идёт, Егор. Если ты не хочешь, чтобы я действовала, действуй сам.
Я снова посмотрел вверх.
– Гриш, – сказал я уже тихо, – если ты не хочешь быть убийцей, подумай...
Он резко выпрямился.
– Я не убийца! – выкрикнул он.
– Вот и не становись им, – ответил я. – Будь другом... выпусти.
– Другом? – вдруг дернулся Гриша.
Он навалился грудью на решётку, просунул нос между прутьями, пытаясь разглядеть меня в темноте. В яме было почти ничего не видно, но, похоже, ему было важно, чтобы я разглядел его самого.
– Не друг ты мне, – прошипел он. – Появился в нашем поселении, вот и все беды начались. Всё началось, когда вы, чужаки, сюда пришли.
Он тяжело сглотнул.
– И Маришка... Маришка голову от тебя потеряла. Думаешь, я не видел? Думаешь, я не знаю?
Он говорил всё быстрее и быстрее, будто уже ничего не мог с этим поделать и слова сами вырывались.
– Я слышал. Слышал, как вы миловались в постели. Я под окнами стоял всю ночь. У меня нож был... хороший нож. Охотничий. Кованый, из рессорной стали.
Он опустил голову.
– Но я не убийца... как ты. Я бы никогда не решился.
Он снова посмотрел на меня.
– Маришка мне отказала, а ты... ты воспользовался. Попортил её. А ведь я... я её... я и она...
Гриша запнулся, начал заикаться, резко вдохнул и вдруг замолчал. Плечи его задёргались, он зарыдал.
На секунду мне стало его жаль. Глупого влюблённого парня. Только как ему объяснить, что даже если бы я никогда сюда не попал, Маришка всё равно не дала бы ему шанса.
Так бывает. Но он этого никогда не поймёт.
– Гришенька...
Вдруг над ямой раздался женский голос.
Тихий, переливчатый и до боли мне знакомый.
Я даже вздрогнул. Это была Маришка.

Она появилась над решёткой, силуэт её вырисовывался на фоне ночного неба. Длинная коса почти до пояса. Лёгкая рубаша, то ли платье, то ли ночная сорочка, серебрилась в лунном свете.

На мгновение она показалась почти нереальной, будто ночная фея. А может... ведьма.

– Гриша, – ласково сказала она. – Не плачь.

– Маришка! – вскочил он, торопливо вытирая слёзы рукавом. – Я не плачу... мне просто... в глаз что-то попало.

Он нервно шмыгнул носом.

– А ты чего здесь?

– Вот, – сказала она. – Кваску тебе принесла. Ядрёного.

– Чего?

Она протянула ему глиняную крынку.

– Решила тебя проведать, – мягко сказала Маришка, склонив голову. – Как ты тут один.

– Ага... – шикнул Гришка, косясь вглубь ямы, потом ткнул пальцем в нашем направлении

– Ты пришла к нему. Да?

– Нет, – спокойно ответила она. – Ты ошибаешься. Ты не думай. Я тебе сегодня отказала потому, что ты... ну какая из тебя сейчас опора семьи? Ты сам ещё как ребёнок.

Гриша встрепенулся, глаза его вспыхнули надеждой.

– Погоди, погоди... Это что значит? Сейчас? Это... на следующий год я могу снова попробовать и...

– Выпей кваску, – улыбнулась Маришка. – Выпей, Гришенька. Для тебя старалась.

Он радостно схватил крынку обеими руками. Пальцы дрожали. Сделал глоток, потом ещё один. Пил жадно, не отрываясь.

– Добрый квасок... добрый... – пробормотал он довольно.

– Пей, пей, – тихо повторяла девушка.

Он пил долго. Слишком долго.

Наконец оторвался, выдохнул.

– Всё... больше не хочу... – пробормотал он. – Что-то меня в сон вдруг клонит... Ничего понять не могу... Слушай... ты можешь позвать моего брата Антипа или отца... пусть сменяют, потому что... что-то меня прям вообще подкосило...

Он качнулся.

– Стой, Гришенька, держись, – Маришка подхватила его под руку, когда он едва не рухнул.

– На, попей ещё, полегчает.

– Да не буду я пить! – раздражённо отмахнулся он.

Он резко ударил по крынке. Та выскользнула из рук, упала и разбилась. Глиняные черепки звякнули о землю.

Гриша замер, потом глаза его расширились.

– А... я понял! – вскрикнул он, уже сидя на земле. – Ты меня опоила. Ты что-то туда подсыпала.

Он поднял на неё взгляд, обиженный, растерянный, полный тоски.

– А зачем? Я же к тебе всей душой... Почему, Маришка?

Девушка смотрела на него спокойно, лишь слегка качнула головой.

– А... он тебе дороже, да? – зло выдохнул Гриша.

– Да, Гришенька, – тихо сказала она. – Дороже.

Он вскинулся, попытался подняться.

– Я сейчас позову подмогу. И тебя тоже посадят в яму. За пособство... За всё непотребство...

Кое-как он встал, шагнул вперёд, но ноги его вдруг подвели.

– Посадят и тебя... Если ты не будешь моя... так не доставайся же ты никому...
Он сделал ещё шаг, потом ещё.

Ноги его спутались, будто жили своей жизнью. Колени подогнулись. Гриша покачнулся, рухнул в траву и больше не поднялся. Тело его лежало на боку, одна рука неловко подмялась под грудь, лицо уткнулось в сырую землю, и только редкое, тяжёлое дыхание выдавало, что он жив.

Маришка опустилась рядом с ним на колени, осторожно поправила ему голову.

– Спи, Гришенька, – сказала она почти ласково. – Ничего тебе не будет. Просто поспишь. И только после этого она перевела взгляд на решётку. Смотрела прямо на меня.

Маришка не медлила. Она вытащила из волос длинную тонкую булавку, присела к решётке, закрывавшей горловину ямы, и быстро, ловко, словно делала это не в первый раз, воткнула её в замок и пошевелила там. Металл тихо царапнулся, что-то внутри щёлкнуло.

Замок поддался.

Скрипнул засов, медленно, с усилием отъехал в сторону. Решётка, тяжёлая, кованая, с ржавыми прутьями, дрогнула. Тонкая юная Маришка ухватилась за край, стиснула зубы и, напрягшись всем телом, приподняла её. Железо заскрежетало о камень, но она сумела откинуть решётку в сторону.

– Егор, уходи, – зашептала она, почти беззвучно. – Уходи. Они убьют тебя завтра. Казнят. Она спустилась на край ямы, легла животом на землю, протянула ко мне руку.

– Давай... держись...

Но я понимал, что даже если дотянусь, даже если схвачусь за её тонкое запястье, она меня не вытянет. Я слишком тяжёл для нее.

– Сейчас, сейчас, – торопливо шептала она. – Я принесу верёвку.

Она уже приподнялась, но вдруг снова склонилась ко мне, быстро, сбивчиво заговорила:

– Силантий – страшный человек. Он держит в страхе всё поселение. Староста наш уже двадцать лет. Никто не смеет уходить из общины, никто. Никто не смеет ему перечить. Он портит девушек, насилует их, а потом говорит, что это воля Бога, что если он переспит с девушкой, то она станет счастливой и плодотворной. Он всё прикрывает заветами предков, устоями, традициями. Но ведь... я знаю... он всё это придумывает сам, для своей выгоды.

Она слотнула, по бледной в темноте щеке сбежала слеза.

– Я сейчас принесу верёвку. Или лестницу. Что-нибудь найду. Ты держись.

Она оглянулась на лежащего в траве Гришку. Затем снова аккуратно опустила решётку на землю.

– Чтобы не заметили в случае чего... – пояснила она. – Только бы Гриша не проснулся... Мало выпил зелья. Мало. Я сейчас, Егор, сейчас.

– Спасибо тебе, – тихо сказал я. – Поторопись.

– Да.

Она развернулась, уже готовая бежать к подворью. И в этот момент я понял, что не могу отпустить её одну. Если Гришка очнётся, он всё расскажет. Силантий не простит ее. Маришке после этого здесь не жить.

Я хотел крикнуть ей, чтобы собиралась тоже бежать. Чтобы уходила со мной. Потому что если останется – её убьют. Или сломают, а то может быть и хуже смерти.

Но крикнуть я не успел, потому что из темноты вдруг раздался пронзительный Маришкин крик.

Сердце у меня ухнуло вниз, провалилось куда-то под ноги, будто меня самого толкнули в бездонную пропасть.

– Маришка! – крикнул я, вытянув шею. – Маришка, что случилось?

Я видел, как она пошатнулась, как будто кто-то невидимый вытянул из нее жизнь. Она склонилась над решёткой, пальцы судорожно сжались на холодном железе. В следующую секунду силы покинули её, словно из тела разом вынули стержень.

Только тогда я увидел рану.

На боку, под рёбрами, сорочка стремительно темнела. Сначала небольшое пятно, потом оно расплзлось, ткань жадно впитывала кровь. Рубаха прилипла к телу, багрянец становился густым, почти чёрным в лунном свете. Кровь текла быстро, слишком быстро. Я сразу понял, рана очень глубокая. Слишком глубокая, чтобы у неё был шанс.

– Я... прости, Егор... – прошептала Маришка, губы едва шевелились. – Я хотела тебе помочь... не смогла... прости...

Голос её уже уходил, растворялся в ночи.

– Я тебя не забуду...

Это были последние ее слова.

Её тело обмякло, она повалилась грудью на решётку. Руки соскользнули, пальцы заскребли по прутьям и замерли. Глаза остались открытыми – широко, неподвижно, будто она всё ещё смотрела на меня, только уже откуда-то издалека.

Я стоял внизу и ничего не мог сделать.

И тогда над её телом вырос силуэт.

На фоне чёрного неба, где звёзды уже казались тусклыми, как белесый пепел, показался Силантий. Крепкий, бородатый, с расправленными плечами. В руке у него был нож. Клинок темнел от крови. С острия медленно срывались капли. Одна упала мне на щеку. Тёплая. Вторая – на нос.

Я машинально провёл пальцами по лицу, растёр кровь. Она размазалась по коже, липкая и густая. Пальцы сжались в кулак. Внутри поднималась тихая, безумная ярость.

– Сука, – процедил я сквозь зубы. – За что ты её убил?

Я сказал это тихо, но в тишине слова прозвучали так, будто грохнул выстрел.

Силантий медленно вытер клинок о рубаху Маришки, размазав по белой ткани ещё больше крови, потом посмотрел вниз, на меня.

– За что? – переспросил он неторопливо. – За то, что предала общину. За то, что чужака спасать вздумала.

Он сплюнул в сторону.

– У нас за такое милости не бывает. Закон один для всех. И для баб, и для мужиков. А ты, городской, ещё спасибо скажи, что я быстро её отправил на тот свет. Без мучений.

Нож в его руке блеснул снова.

– Кто предаёт свою общину, – сказал староста, глядя на меня сверху вниз, – тому здесь делать уже нечего, пора в мир иной. Их примет Бог, если примет.

Он говорил спокойно, будто читал проповедь, а не стоял над телом убитой девушки с окровавленным ножом в руке.

– А завтра умрёте вы. Во славу нашего поселения. Это будет не просто казнь. Это будет подношение Богу. Жертвенная смерть. И все увидят её, все станут смотреть.

– За что? – хрипло спросил я, чувствуя, как кровь стучит в висках. – За что ты хочешь нас убить?

– Ну как за что? – развёл он руками, словно удивляясь моей наивности. – Вы убили моего сына. А теперь ещё и Маришку, бедную девочку. Вот она лежит, юная девка с огромной раной в боку. Вы пытались сбежать и убили её, но я вам помешал.

Он говорил это так уверенно, что на миг можно было усомниться в собственной памяти.

– Ах ты, сука... – процедил я сквозь зубы. – Ты же её убил. Я всем скажу.

Силантий прищурился, наклонил голову.

– А поверит ли тебе кто? – ухмыльнулся он. – Ты чужак, городской. А я – староста. Мне верят. Мне верили двадцать лет. И будут верить дальше.

И в этот момент сверху, из-за его спины, раздался сиплый, ещё не до конца протрезвевший голос:

– Поверят?!

Гришка стоял в нескольких шагах, пошатывался. Лицо бледное, глаза налиты кровью, но в них не было больше растерянности. В них была ярость.

– Я всё видел, – выдохнул он. – Я всё видел. И я тоже скажу, что... Это ты убил Маришку! Силантий на мгновение замер.

– Григорий, – медленно произнёс он, – ты ещё не пришёл в себя. Тебя дурман-травой опоили. Ты не понимаешь, что говоришь.

– Понимаю! – заорал Гришка, сорвавшись на визг. – Это ты её пырнул! Я видел! Ты её пырнул, когда она меня опоила! Ты сзади вышел! Я всё видел! Просто сказать ничего не мог, как в тумане все, но я видел!

Он нагнулся, схватил с земли увесистый камень.

– Сдохни! – заорал Гриша и ринулся на старосту.

Ребристый камень тускло блеснул в его руке.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.